

¹⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 356. Л. 105.

¹⁷ Обзор внешней торговли России... за 1900 год. С. 24.

¹⁸ Обзор внешней торговли России... за 1913 год. Ч. 1. С. 19, 22.

¹⁹ Статистические сведения о внешней торговле... С. 54–57; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. Табл. II; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. Ч. 1. С. III.

²⁰ Внешняя торговля России по странам... С. 62–63; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. С. 44; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. Ч. 1. С. 49–51.

²¹ Обзор внешней торговли России... за 1880 год. С. 402; Обзор внешней торговли России... за 1890 год. Табл. III; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. С. 43; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. С. 47.

²² АВПРИ. Ф. 155. Второй департамент. Оп. 408. Д. 1. Л. 490 об.

²³ Обзор внешней торговли России... за 1913 год. С. 47.

²⁴ АВПРИ. Ф. 155. Второй департамент. Оп. 407. Д. 978. Л. 1.

²⁵ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1908 год. СПб., 1910. С. 53.

²⁶ Внешняя торговля России по странам... С. 62–63; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. С. 36; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. С. 42.

²⁷ Там же. С. 51–53.

²⁸ Внешняя торговля России по странам... С. 60–61; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. Табл. VIII; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. С. 39.

Т.Г. НЕФЁДОВА

ВЫБОРЫ В НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 1919 г. и ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВОГО КОАЛИЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

В современной российской историографии проявляется живой и вполне объяснимый интерес к проблемам становления демократических режимов. В этой связи изучается богатый опыт западных стран, имеется в виду и опыт германской истории веймарского периода, когда была предпринята первая попытка создания подлинно демократического строя на немецкой земле. Особо значимым представляется изучение конструктивного демократического опыта Веймарской республики, ее достижений. Ведь именно веймарская демократия, первая республика в истории Германии стала базой, фундаментом второй, Боннской республики – республике с укоренившейся и процветающей демократией. Вполне правомерным было бы говорить о преемственности первой и второй республик в истории Германии.

Функциональной опорой парламентской демократии в Веймарской республике являлась коалиционная система власти. Практика коалиционных действий, готовность политических партий к серьезным компромиссам, возможность поступиться партийными принципами для решения общенациональных задач стали ценным опытом веймарской демократии. Между тем в современной историографии до сих пор акцент делается на негативных сторонах коалиционной системы политической власти и не учитываются ее позитивные моменты. Представляется, что для Веймарской Германии с ее многопартийностью, где ни одна из политических партий не имела решающего большинства в рейхстаге, коалиционные правительства были той необходимостью, которая давала возможность сохранения республики и ее демократических властных институтов.

Соотношение сил между различными политическими партиями в послевоенной Германии определили выборы в Национальное собрание, состоявшиеся 19 января 1919 г. Их результаты явились достаточно неожиданными. За социалистические партии было подано рекордное число голосов – 45,5 %. Из 421 места в Национальном собрании Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) получила 163, собрав голоса 11 млн 509 тыс. немцев. Независимая социал-демократическая партия Гер-

мании (НСДПГ), за которую проголосовало 2 млн 317 тыс., имела 22 депутатских мандата. Буржуазные партии завоевали на выборах 54,5 % голосов и 236 мандатов. На втором месте вслед за СДПГ была партия Центра (ПЦ), сумевшая собрать голоса 5 млн 980 тыс. избирателей и располагавшая 91 местом в парламенте. Третьей по значимости силой в партийно-политическом спектре страны стала Немецкая демократическая партия (НДП), получившая поддержку 5 млн 642 тыс. человек и 75 депутатских мест¹. Таким образом, итоги выборов делали СДПГ самой сильной политической партией страны. СДПГ, которая до войны стремилась, но не имела даже перспективы участия в управлении государством, получила реальную возможность прихода к власти. Однако, анализируя результаты голосования, социал-демократы трезво расценили, что проведение чисто социалистической программы вряд ли возможно. 23 января «Vorgwärts» отмечала: «Если бы, 24 независимца (распределение мест в парламенте станет окончательно известно только на следующий день – Т.Н.) готовы были бы к позитивному сотрудничеству, совместная социал-демократическая фракция в Национальном собрании все равно не имела бы большинства. С другой стороны, социал-демократия настолько сильна, что образование большинства против нее вряд ли возможно. Остается попытка создать, – считала газета, – работоспособное большинство с буржуазными демократами, которые поддерживают республику, и программные заявления которых выдержаны в республиканском духе»².

Партийный орган СДПГ верно оценивал ситуацию. Исход выборов делал закономерным практику коалиционного правления. Рабочая партия проявляла в этом вопросе, пожалуй, наибольшую гибкость, несмотря на то, что в предвоенные годы германская социал-демократия традиционно оспаривала возможность образования совместного правительства пролетарской и буржуазной партий. Теоретик СДПГ К. Каутский в работе 1910 г. «Путь к власти» обосновывал неминуемый крах любого пролетарско-буржуазного коалиционного правительства значительными классовыми противоречиями между пролетариатом и имущими классами, которые никогда не позволят пролетариату «разделять власть в государстве с каким-либо имущим классом». Объяснения К. Каутского сводились к следующему: «Имущий класс всегда будет и должен требовать в своих интересах, чтобы государственная власть продолжала подавлять пролетариат. А пролетариат всегда будет требовать от правительства, в котором принимает участие его собственная партия, чтобы государственная власть поддерживала его в борьбе против капитала». Исходя из этого, Каутский полагал, что «пролетарская партия в буржуазном коалиционном правительстве всегда окажется соучастницей действий, направленных на подавление пролетариата, что вызовет его презрение к ней, и в то же время она всегда будет связана в своих действиях недоверием, проявляемым к ней ее буржуазными собратьями по блоку, что будет препятствовать какой бы то ни было ее успешной деятельности»³. Правда, оговаривая эту принципиальную позицию, Каутский признавал, что «мы... не революционеры во что бы то ни стало» и «не можем создавать исторические ситуации по своему усмотрению», «наша тактика должна согласовываться с ними». В начале 90-х годов XIX века в результате изучения современного положения он приходил к выводу, что обстоятельства «коренным образом изменились и у нас есть все основания считать, что мы вступили теперь в период борьбы за государственные учреждения и государственную власть»⁴.

Первый полноценный опыт работы в правительстве рейха СДПГ приобрела в ходе Ноябрьской революции, когда после проигранной Первой мировой войны и накануне подписания Компьенского перемирия 10 ноября 1918 г. был образован новый кабинет из представителей СДПГ и НСДПГ. Он назвал себя Советом народных

уполномоченных. Накануне партии подписали коалиционное соглашение, которое предусматривало сохранение на своих постах прежних буржуазных статс-секретарей. Полномочия революционного правительства были официально подтверждены собранием Советов рабочих и солдатских депутатов Берлина, которое состоялось в цирке Буша 11 ноября. СНУ сразу же объявило себя временным органом переходного революционного периода, заявило о приверженности идее народного парламента и намерении провести выборы в Национальное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права при пропорциональной системе выборов для мужчин и женщин старше 20 лет. Эта цель была четко сформулирована в «Обращении к немецкому народу»⁵ – первом программном заявлении нового правительства.

Коалиция между двумя партиями распалась в ночь с 28 на 29 декабря 1918 г., когда народные уполномоченные от НСДПГ вышли из состава правительства ввиду разногласий по поводу использования военной силы против мятежных матросов⁶. Эти места в правительстве были заняты социал-демократами Рудольфом Висселем и Густавом Носке. Таким образом, СДПГ единолично брала на себя государственную ответственность за сохранение парламентской демократии. Партийные лидеры сознавали, что решить эту задачу СДПГ сможет, выступая в роли «народной партии» левого центра и действуя в коалиции с буржуазными партиями. В этом убеждали итоги прошедших парламентских выборов в Национальное собрание. Правящая коалиция политических партий, созданная по результатам этих выборов, получила определение «веймарской коалиции» – по названию города, который по соображениям безопасности был избран местом заседания Национального собрания. Она включала представителей трех крупных политических сил – СДПГ, Центра, НДП и располагала твердым большинством в парламенте (329 депутатских мест из 421). Ни одному правительству Веймарской республики не удастся получить в будущем такой прочной политической опоры.

Позитивное отношение политических партий к парламентско-демократическому государству, отрицание ими диктатуры пролетариата, приверженность республиканской конституции стали основой коалиционной политики. Образование правительства было поручено рейхспрезидентом социал-демократом Фридрихом Эбертом, избранным на этот пост 11 февраля, лидеру СДПГ Филиппу Шайдеманну. Первые предложения о создании правительственной коалиции были сделаны Немецкой демократической партией. 1 февраля начались переговоры между парламентскими фракциями СДПГ и НДП об образовании парламентского большинства и формировании кабинета. По сообщению министра торговли Пруссии и председателя президиума НДП Отто Фишбека, сделанному на заседании президиума партии 4 февраля, их итогом было то, что «господа из СДПГ готовы принять наши предложения». При этом большинство членов президиума демократической партии настаивало на включении в состав будущей правительственной коалиции партии Центра «ввиду большой ответственности, которая ложится на нынешнее Национальное собрание и правительство»⁷.

В этот же день вопрос о формировании кабинета обсуждался в парламентской фракции СДПГ. На ее заседании после сообщения Ф. Эберта о начавшихся консультациях с демократами было принято решение о продолжении переговоров и сформулированы условия коалиции с буржуазными партиями: «Безоговорочное признание республиканской государственной формы, проведение финансовой политики с вовлечением имущества и собственности, реализация всеобъемлющей социальной политики и социализация созревших для этого предприятий»⁸.

В партии Центра свои представления о правительственной коалиции были высказаны во время заседания парламентской фракции 5 февраля. Меньшая ее часть счи-

тала, что социал-демократия одна должна нести государственную ответственность. Маттиас Эрцбергер, представляя мнение большинства и напоминая результаты выборов, убеждал, что «партия не может бросить на произвол судьбы своих избирателей», и высказывался за участие Центра в коалиции. Согласно решению парламентской фракции партия вступала в переговоры с СДПГ и НДП об участии в правительстве⁹.

Много проблем для коалиционных партнеров создавал вопрос об участии в правительстве Независимой социал-демократической партии. По словам демократа Конрада Хаусманна, в случае вхождения независимцев в правительство «речь об участии в нем Немецкой демократической партии вообще бы не шла»¹⁰. Дебаты по этому поводу на заседании парламентской фракции СДПГ 4 февраля закончились безрезультатно. Только на следующий день удалось прийти к соглашению о приглашении НСДПГ в правительственную коалицию при условии, что она признает Эрфуртскую программу и отказывается от путчистской тактики¹¹. Ко всеобщему облегчению 6 февраля это предложение было отвергнуто независимыми социал-демократами. Они заявляли, что не готовы участвовать в правительстве «пока республикой правят генералы»¹².

При принципиальной готовности партий к коалиции дальнейшие переговоры о ее создании были достаточно длительными. Проблематичной была кандидатура председателя Национального собрания. Порой казалось, что споры вокруг нее вообще приведут к срыву переговоров о формировании правительства. Особенно активными были возражения социал-демократов, которые считали невозможным пребывание на этом посту депутата от буржуазной партии. В итоге пришли к следующему компромиссу: председателем Национального собрания был избран глава старого рейхстага, депутат от партии Центра Константин Ференбах, зато социал-демократ Эдуард Давид, который уже занимал этот пост первые семь дней работы Национального собрания, должен был войти в правительство в качестве министра без портфеля¹³.

13 февраля президент Ф. Эберт передал послание председателю парламента о составе правительства. Его премьер-министром стал Филипп Шайдеманн – человек с богатой политической биографией. С 1903 г. он входил в состав социал-демократической фракции рейхстага, с 1911 г. – являлся членом партийного президиума, а с 1913 г. – сопредседателем (с Августом Бебелем) парламентской фракции СДПГ. В октябре 1918 г. в качестве статс-секретаря без портфеля входил в правительство Макса Баденского и был членом первого революционного правительства Совета народных уполномоченных. По воспоминаниям современников, многие личные качества этого политика делали его кандидатуру бесспорной на посту главы правительства. Его называли «практическим политиком», страстным оратором, мастером политической дискуссии, убежденным лидером со своей точкой зрения. Вместе с тем широко известны были его дипломатичность, склонность к компромиссу, последовательность, прагматизм¹⁴.

Шесть министров представляли СДПГ в правительственном кабинете. Рейхсминистр юстиции Отто Ландсберг – блестящий юрист, адвокат из Магдебурга, представитель правого, патриотического крыла в СДПГ. Он с 1912 г. был членом социал-демократической фракции рейхстага, с ноября 1918 г. – народным уполномоченным революционного правительства. Самая неоднозначная фигура в партии – военный министр Густав Носке – с 1906 г. избирался депутатом рейхстага, где специализировался по военным и колониальным вопросам, был первым из депутатов рабочей партии, кто принимал участие в инспекциях флота. Именно он (вместе с Р. Висселем) был введен в состав СНУ после выхода из него представителей НСДПГ 28 декабря 1918 г. и именно по его инициативе были созданы добровольческие корпуса, которые под

его верховным командованием подавили январское восстание 1919 г. в Берлине. Этот человек не был военным, но пользовался высоким авторитетом в войсках. По мнению генералитета, только он мог гарантировать лояльное отношение армии к государству после подписания Версальского договора. Рудольф Виссель – рейхсминистр труда – с 1909 г. был главой Генеральной комиссии профсоюзов, с марта 1918 г. – депутатом рейхстага, в декабре этого же года в качестве известного профсоюзного функционера включен в состав СНУ. Виссель был достаточно популярной фигурой в рабочем движении, считался сильным экономистом, имевшим научные публикации по социально-экономическим проблемам. Еще два социал-демократа – рейхсминистры Густав Бауэр, глава рабочего министерства, и Роберт Шмидт, руководитель министерства продовольствия, так же как и Виссель, были видными функционерами профсоюзного движения, опытными депутатами парламента. Бауэр, кроме того, имел опыт работы в правительстве М. Баденского. Там он занимал пост статс-секретаря вновь созданного рабочего ведомства и возглавлял его в Совете народных уполномоченных. Эдуард Давид, еще один социал-демократ в новом коалиционном кабинете, как уже упоминалось, был включен в его состав в качестве министра без портфеля. Уже с 1903 г. он избирался депутатом рейхстага от социал-демократической партии, считался известным специалистом по внешнеполитическим вопросам.

Партия Центра была представлена в новом кабинете тремя депутатами. Ключевой фигурой правительства был Маттиас Эрцбергер, депутат рейхстага с 1903 г., статс-секретарь в кабинете М. Баденского, руководитель немецкой делегации по перемирию. Он занимал пост министра без портфеля, и в его задачу входило проведение переговоров по заключению мирного договора. Два других члена кабинета от партии Центра Й. Белль – министр по делам колоний и Й. Гизбертс – министр почт играли в правительстве второстепенную роль.

Также три министра представляли в правительстве Немецкую демократическую партию. Авторитетной фигурой был министр внутренних дел Х. Пройс. Правда, его роль в правительстве была ограничена, поскольку Х. Пройс напряженно работал в Конституционном комитете, как правило, не присутствовал на заседаниях кабинета, где его представлял статс-секретарь Г. Готхайн. Он вошел в правительство в качестве министра без портфеля, а с 21 марта 1919 г. после выделения Имперского казначейства в отдельное ведомство и возглавил его. О. Шиффер – рейхсминистр финансов, так же как и Б. Дёрнбург, сменивший Шиффера на этом посту после отставки его 11 апреля 1919 г., до вхождения в правительство были мало известными политиками, хотя также входили в число основателей демократической партии. Демократы к переговорам об образовании правительства привлекли графа У. Брокдорф-Рантцау, хотя он не был членом НДП. Профессиональный дипломат, он в январе 1919 г. по просьбе Ф. Шайдемманна и Ф. Эберта стал статс-секретарем Министерства иностранных дел с перспективой занять пост министра внешнеполитического ведомства в новом правительстве.

В состав кабинета в ранге министров, но без права голоса входили беспартийные военные: оберлейтенант Й. Кёт, который возглавлял Министерство демобилизации, военный министр Пруссии полковник В. Рейнхардт и глава Имперского морского ведомства вице-адмирал М. Рогге. Его после роспуска этого ведомства 27 марта 1919 г. заменил в кабинете контр-адмирал А. фон Трота, который возглавлял адмиралтейство.

Первое правительство «веймарской коалиции» отличали некоторые специфические черты. Во-первых, оно имело четкие, как отметили издатели «Актов германской рейхсканцелярии», математические пропорции: семь министерских постов принадлежали СДПГ, по три – Центру и НДП, один министр был беспартийным. Тем самым правительство было сформировано строго по принципу пропорционального представ-

вительства. Во-вторых, состав правительства, в котором подавляющее большинство его министров (12 из 14) уже имели опыт работы в кабинете М. Баденского или СНУ, призван был подчеркнуть преемственность нового правительства. Подразумевалось, что его члены – не выходцы из революционной стихии, а полномочные представители народа, демократическо-либеральной части общества, стремящейся к переменам. В-третьих, присутствие военных в правительстве, сохранение прежнего государственного аппарата должно было продемонстрировать опору нового кабинета на сложившиеся властные структуры, которые находятся под его контролем.

Правительственная программа «веймарской коалиции» исходила из необходимости создания сильной центральной власти для сохранения единства рейха и признания Национального собрания единственным носителем власти в государстве. В ней ставилась задача консолидации внутривластного положения, обеспечения «спокойствия и порядка»¹⁵. Зная об этой главной цели правительства, поразительным представляется тот факт, что революционные выступления германских рабочих, по существу гражданская война 1918–1919 гг., многочисленные забастовки, носившие перманентный характер и угрожавшие не только внутривластной стабильности, но и международному положению страны, очень мало отражены в протоколах заседания правительства. Вероятно, это можно объяснить тем, что характер решаемых вопросов, безусловно, сказывался на состоянии правительственной коалиции. В целях ее сохранения партнеры старались избегать обсуждения «горячих тем», к числу которых относилась тема рабочих волнений, а также экономическая и финансовая политика. Именно в этих сферах деятельности у социал-демократических и буржуазных коллег по кабинету были значительные расхождения во мнениях. Однако не это, главным образом, определило второстепенное место внутривластного проблем в деятельности кабинета Ф. Шайдемана. Все эти вопросы затмевала сложная задача послевоенного мирного урегулирования. Именно она стала приоритетной областью правительственных усилий.

После принятия новой Веймарской конституции и юридического закрепления в ней основ парламентского строя коалиционные партии продолжили усилия по налаживанию эффективной работы властных государственных институтов, прежде всего, правительства рейха. Первый опыт деятельности «веймарской коалиции» на уровне исполнительной власти можно считать достаточно успешным. Благодаря практике коалиционного правления в кризисные и даже критические периоды удавалось добиваться консолидации парламентской системы и решения тяжелейших проблем, что гарантировало возможность демократического развития страны. Лишь в исключительно неблагоприятных условиях мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. сохранить демократические достижения первой республики не удалось. Она пала не благодаря Гитлеру, а в результате небывалых потрясений начала 30-х годов XX в., закончившихся катастрофой 1933 года.

Примечания

¹ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich/ Hrsg. vom Statistischen Reichsamt. 1924/1925. Berlin, 1925. S. 388–389; Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Eine Urkunden- und Dokumentensammlung zur Zeitgeschichte / Hrsg. u. Bearb. H. Michaelis u. E. Schraepfer. Berlin, 1961. Bd. 3. S. 245; Huber E.R. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte: In 6. Bd. Stuttgart, 1969. Bd. IV. S. 668.

² Vorwärts. – 1919. 23. Januar.

³ Каутский К. Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революцию). Славяне и революция. М., 1959. С. 30.

⁴ Там же. С. 75–76.

⁵ Vorwärts. 1918. 13. November.

⁶ Protokoll der Sitzung des Parteausschusses. Berlin, den 13. Dezember 1918. Berlin, o.j. S. 1; Deutsche Geschichte 1918–1933. Dokumente zur Innen und Aussenpolitik / Hrsg. W. Michalka u. G. Niedhardt. Frankfurt-am-Main, 1992. S. 43–44.

⁷ Verhandlungen der verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Bd. 352. Berlin, o. J. S. 5484. (Далее – Nat. Vers.).

⁸ Vorwärts. 1919. 23. Januar.

⁹ Nat. Vers. Bd. 352. S. 5492.

¹⁰ Hausmann C. Schlaglichter. Reichtagsbriefe und Aufzeichnungen. Frankfurt-am-Main, 1924. S. 276.

¹¹ Vorwärts. 1919. 6 Februar; Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschland, abgehalten in Weimar vom 10. bis 15. Juni 1919. Berlin, 1919. S. 55–56.

¹² Severing C. Mein Lebensweg. Bd. I. Vom Schlosser zum Minister. Köln, 1950. S. 237.

¹³ Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten. Mit 22 Bildern. Zweiter Band. Dresden, 1928. S. 360.

¹⁴ Keil W. Erlebnisse einer Sozialdemokraten: In 2 Bd. Bd. 2. Stuttgart, 1948. S. 171; Brecht A. Aus nächster Nähe. Lebenserinnerungen 1881–1927. Stuttgart, 1966. S. 165.

¹⁵ Nat. Vers. Bd. 326. S. 48.

О.В. ТЕРЕХИНА

«МАСАРИК И РОССИЯ» В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–1930-х гг.

Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) является, несомненно, центральной фигурой чехословацкой истории XX века. Он смог добиться признания и как литератор, и как философ, и как социолог, и как политик. Имя этого профессора философии Карлова университета в Праге стало известным в политических кругах еще в 80-е гг. XIX века. Являясь автором целого ряда книг по философии, социологии, истории и став одним из видных чешских идеологов, Масарик одновременно был и политиком-практиком.

В итоге именно в политической сфере его заслуги получили наивысшую оценку. Т.Г. Масарик вошел в мировую историю, прежде всего, как один из создателей независимой Чехословакии и первый президент Чехословацкой республики. Он пребывал на этом посту с 1918 по 1935 гг. и ушел в отставку в возрасте 85 лет по состоянию здоровья¹, превратившись для своих сограждан в символ независимости и демократии².

Но мировую известность ему принесла не только столь яркая политическая карьера, но и научная деятельность. В начале XX века Масарик в глазах своих современников был крупнейшим специалистом в области славянской проблематики. Его приглашали для чтения лекций в Чикагский университет, Санкт-Петербургский университет избрал его своим почетным профессором, к его мнению прислушивался австро-венгерский парламент, во время Первой мировой войны и после нее с ним консультировались по вопросам государственного устройства восточноевропейских стран дипломатические представительства стран Антанты и американский президент В. Вильсон³.

Значительное место в научных и философских изысканиях Масарика занимала тема России, и российский материал часто служил для него основой в рассуждениях о самых разнообразных, нередко более широких, чем чешский, русский или славянский, вопросах. Причем Россия привлекала внимание Масарика-мыслителя, озабоченного проблемами современного ему общества, именно как часть этого современного мира, и даже обращение к историческим сюжетам должно было предоставлять материал для рассмотрения проблем современности.

В 1881 году впервые была издана защищенная в 1878 г. в Вене диссертация Масарика на соискание звания доцента «Der Selbstmord als soziale Massenerscheinung modernen Civilisation» («Самоубийство как массовое социальное явление современной